

ДИАЛОГ ПОГРАНИЧНЫХ КУЛЬТУР

*Работа представлена кафедрой литературы Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. В. Воронченко*

Статья посвящена осмыслению проблемы диалога пограничных культур. Автор опирается на взгляды известных философов и литературоведов, занимавшихся разработкой понятия диалогичности в культуре, и предпринимает попытку определения положительных и негативных сторон межкультурного диалога в процессе взаимовлияния различных культур друг на друга.

The article is devoted to the problem of the intercultural communication. The author is guided by the views of the leading Russian scholars in the field of philosophy and literary studies and tries to determine positive and negative features of the intercultural dialogue in the process of mutual cultural influence.

Различные аспекты проблемы взаимодействия культур являлись предметом осмысления ученых и философов с незапамятных времен. В древнекитайской философии (школа моизма) нашел отражение принцип «всеобщей любви» как основы мировой гармонии и человеческого единства. Интеллектуальная продуктивность диалоговых форм общения была раскрыта в Древней Греции Платоном и Сократом. Известно утверждение Гегеля «о диалектике общего,

особенного и единичного, раскрываемого как диалектика общечеловеческого, национального и индивидуального»¹.

В трудах философов Серебряного века активно разрабатывалось понятие «гражданина вселенной». Н. Бердяев в 20-е гг. прошлого столетия говорил о том, что установление всечеловеческого братства народов будет не исчезновением, а утверждением национальных индивидуальностей. «Кто не любит своего народа и кому не мил

конкретный образ его, тот не может любить и человечества»². Согласно Н. Бердяеву, осознание своей национальной значимости и неповторимости – это первый шаг на пути создания единой мировой цивилизации. Академик Д. С. Лихачев считал, что диалог культур (диалог равных и разных) есть альтернатива противостоянию и конфронтации в межнациональных отношениях. «Национальная вражда одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности, к чужому мнению и не агрессивны»³.

В XX в. понятие *диалога культур* прочно вошло в обиход гуманитарного познания и сегодня позиционируется как ключевой элемент межкультурного общения. Неоценимый вклад в разработку понятия диалогичности в XX в. внес выдающийся русский философ и литературовед М. М. Бахтин. Именно его называют главным теоретиком идеи диалога в современной гуманитарной науке. М. М. Бахтин изложил свои взгляды в нескольких трудах, среди которых наиболее известны такие, как: «Эстетика словесного творчества», «Проблемы поэтики Достоевского», «Вопросы литературы и эстетики».

Необходимо отметить серьезный вклад В. С. Библера в разработку проблемы диалогичности. В. С. Библеру принадлежит учение философии диалога культур, которое нашло свое применение в попытках создания школы диалога культур и внедрения принципов диалогичности в образовательный процесс. Особый интерес в контексте исследования диалогичности представляет работа В. С. Библера «Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры», в которой автором была дана подробная интерпретация идей М. М. Бахтина.

Ценными для исследования проблемы представляются и взгляды В. А. Лекторского, специалиста по теории познания и философии науки, члена-корреспондента Российской академии наук, главного редактора журнала «Вопросы философии». В. А. Лекторский является автором таких

научных трудов, как «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Проблема субъекта и объекта в классической и современной философии».

Значимость диалога для процессов межкультурного общения нельзя переоценить. Диалог – это общение, построенное по принципу «вопрос-ответ». В более широком понимании диалог – «это дискуссия между странами и народами, имеющая целью решение общих проблем»⁴.

Говоря о роли диалога в мировой культуре, следует сослаться на М. М. Бахтина, который считал, что культура есть «космическая полифония культурных голосов»⁵, в которой слышны различные голоса и присутствуют многочисленные смыслы. Многозначность диалога была для М. М. Бахтина одной из его главных особенностей.

По словам В. А. Лекторского, диалог – это единственная возможность самого существования индивидуальности, т. е. то, что затрагивает ее внутреннюю сущность. В работе «Субъект, объект, познание» В. А. Лекторский говорит о диалектике диалога, которую понимает как «...диалог между мною и другим, который предполагает целую систему внутренних диалогов, в том числе между моим образом самого себя и тем образом меня, который, с моей точки зрения, имеется у другого человека»⁶.

В том же измерении мыслил В. С. Библер, утверждавший, что «...диалог культур (но не некая “архетипичность”, самоожесточенность) изначален для понятия и для понимания культуры. Только не совпадая с собственным смыслом, вступая с ним в диалог, индивид выходит в горизонт личности, цивилизация – в горизонт культуры. В этом действительный смысл “амбивалентности” каждой культуры, ее исходного, неделимого, на себя обращенного начала»⁷.

Отличительной чертой диалога культур можно считать его временную расчлененность, поскольку в процессе межкультурного взаимодействия вопрос и ответ сильно разорваны во времени. Для восприятия

и осознания послания одной стороны другой стороне всегда требуется время. Ответ на вопрос всегда приходит с опозданием. Временные рамки очень широки, и никогда нельзя предсказать, каким будет ответ на вопрос. Диалог культур – это своеобразная форма перманентного человеческого бытия, неотъемлемая часть бытия самой культуры и бытия личности, живущей в этой культуре.

Диалог не всегда бывает продуктивным, поскольку традиционно культура имеет дело с соотношением «своего» и «чужого», где часто «свое» возносится над «чужим», что приводит к обоюдному непониманию и отторжению. Диалог – это всегда пограничная ситуация, ситуация выбора. Межкультурный диалог можно охарактеризовать с трех позиций:

1. Настороженное отношение к другой культуре. В этом случае диалог развивается медленно, но тем не менее обращение к «чужой» культуре рассматривается как полезное и необходимое. Между культурами сохраняется дистанция, хотя процесс взаимодействия не прекращается. Примером подобного развития событий могут служить контакты народов, живущих в области культурного пограничья (пересечения культур), где диалог становится жизненно необходимым и способствует поиску решений общих проблем.

2. Совпадение убеждений, принципов, ценностей. Как следствие, рождается осознание единства с остальным миром, с общечеловеческим порядком. В данной ситуации культуры взаимодействуют очень активно. Например, ценности западной культуры (свобода, частная собственность, индивидуализм, стремление к познанию), являющиеся общими для всего европейского пространства, или, напротив, установки восточного общества (традиция, стабильность, слияние личного интереса с коллективным, приоритет религии над наукой), обеспечивающие культурную общность восточных народов.

3. Категоричное отрицание другой культуры. Не допускается даже вероят-

ность отношений с «чужой» культурой. Все приходящее извне рассматривается как заведомо враждебное, и, как следствие, это ведет к зарождению национализма. Подобные ситуации возникают, как правило, после глобальных геополитических потрясений (распад империй или многонациональных государств, войны и т. п.).

Последняя характеристика всегда временна, поскольку ни одна национальная культура не может существовать изолированно, а постоянно стремится в полицентральное пространство взаимодействия культур. С этой точки зрения справедливым является широко известное высказывание М. М. Бахтина о том, что «в бытии культуры ни один культурный акт не изолирован, а существенно живет на границах»⁸.

Диалог зарождается в пограничье, которое является местом наиболее активного и продуктивного межкультурного взаимодействия, местом встречи различных культурных потоков, которые, пересекаясь друг с другом, позволяют личности получить новое знание о себе и о представителе «иной» культуры, т. е. объективировать имеющееся знание.

Пограничье не стоит понимать в сугубо географическом смысле. В современной науке, по утверждению М. Тлостановой, пограничье нередко трактуется как особое состояние человека – «человека границы», – существующего в рамках как минимум двух культур, двух языков, двух миров⁹. «Человеком границы» может называться не только индивид, живущий на границе Мексики и США или России и Китая, а также тот, кто вынужден постоянно отстаивать свою культурную идентификацию в окружении идеалов иной культуры (например, эмигрантская среда). Пограничное мироощущение нередко может иметь основой и сугубо социальные причины.

Пограничье имеет нечто общее с маргинальностью. Почти всегда «человек границы» – это личность трагическая, болезненно реагирующая на окружающий мир,

но борющаяся и контактирующая с ним. Подобное мироощущение придает особую значимость пограничным диалогам. Столкновение взглядов, постоянное соотнесение «своего» и «чужого», бесконечный обмен культурным опытом – все это способствует культурному обогащению личности, давая возможность существовать на границе пересечения культур. С точки зрения продуктивности коммуникации пограничье становится передовой областью, авангардом межкультурного общения.

Диалог культур – это человеческое творение, так как только человек, по верному замечанию В. С. Библера, может нести в себе целую культуру. Личность является главным субъектом такого диалога. Наследие Декарта в форме «Я мыслю, значит, существую» трансформируется в XX в. в наследие М. М. Бахтина «Я существую не потому, что мыслю, сознаю, а потому, что отвечаю на обращенный ко мне призыв другого человека»¹⁰. Тексты, знаки, символы, культурные ценности – все это субъекты культуры. Они в некотором смысле статичны, даже мертвы, поскольку лишь покорно выполняют функцию хранения и передачи информации. Напротив, человек, как субъект диалога культур, задает культурному наследию импульс движения, выводя его на авансцену межкультурного взаимодействия.

В. А. Лекторский в этой связи приводит такой пример: «Допустим, что данная цивилизация погибла, и никто не знает языка, на котором говорили ее представители. Хотя сохранились книги, написанные на этом исчезнувшем языке, никто не в состоянии расшифровать их, т. е. утеряна связь между погибшей культурой и актуально совершающимся социально-культурным, в частности, познавательным процессом. А это значит, что сохранившиеся книги не содержат более никакого знания. Собственно говоря, это уже даже не книги, а просто некоторые предметы со странными черточками»¹¹. Человек в отличие от всех остальных субъектов культуры (книги, знаки, сим-

волы) имеет преимущество, заключающееся в возможности интерпретации получаемого знания, наполнения его новым/другим смыслом, передачи знания потомкам и т. д. Только человек способен рефлексировать знание, влияя тем самым на результат диалога.

Рефлексия (от *англ.* reflection – отражение, размышление, обдумывание, раздумье) в межкультурном диалоге, как и в процессе познания, играет исключительно важную роль. При помощи рефлексии личность познает истинный смысл знания, объективирует его, наполняет ранее неизвестным смыслом или множеством смыслов. В. А. Лекторский пишет о рефлексии следующее: «То, что раньше казалось ясным, интуитивно понятным и простым, в результате рефлексии оказывается достаточно сложным и нередко проблематичным, а иной раз просто ошибочным. Результат рефлексии – это, таким образом, не какие-то простые и самоочевидные истины, которые выступают как “абсолютное основание” системы знания, – это такая теоретическая система, которая является относительно истинным отражением некоторых реальных зависимостей в определенном контексте и которая вместе с тем предполагает целый ряд допущений»¹¹.

Рефлексия не есть результат окончательный. Это всего лишь промежуточная веха познания. Особенность рефлексии в межкультурном диалоге такова, что окончательного результата познания личность не достигает никогда. Вспомним еще раз бахтинский термин «вечнодлящейся полифонии культурных голосов» и наличия множества смыслов. В. А. Лекторский делает справедливую оговорку о том, что рефлексия всегда предполагает целый ряд допущений. Рефлексия, как и диалог, является процессом непрерывным и, соответственно, постоянно наполняется новыми смыслами и новым знанием.

С точки зрения значимости процесса рефлексии знания примечателен пример цивилизации ацтеков, разрушенной испанскими завоевателями. Ни одна из участву-

ющих сторон не была готова к диалогу, истинное значение которого сегодня очевидно. Причиной срыва диалога стало наличие ряда объективных факторов: резкого социокультурного контраста, различной философии, искаженной информации о представителе «другой» культуры, а главное, недостаточной способности участников диалога осмысливать (рефлектировать) ценности «иной» культуры.

Контакт ацтеков и испанцев в идеале должен был положить начало взаимодействию двух цивилизаций, а на деле привел к установлению барьера между ними. Уорвик Брэй (Warwick Bray), автор книги «Ацтеки», пишет о последних днях ацтекской цивилизации следующее: «Ацтеки оказали героическое сопротивление, но исход противостояния был предрешен. Истинная борьба развернулась не между двумя армиями, но между двумя цивилизациями, индейской и европейской, каждая из которых обладала своей культурой и традициями. Мексиканцы – ацтеки и те, кто присоединился к испанцам, – поняли это слишком поздно»¹². В результате, по словам другого исследователя Месоамерики Карла Таубе (Karl Taube)¹³, девяносто пять процентов культурного наследия ацтекской цивилизации превратилось в прах, и сегодня то, что известно науке, – это в большей мере результаты археологических раскопок, кропотливой работы с немногочисленными уцелевшими источниками и свидетельствами первых испанских завоевателей.

Способность/неспособность личности рефлектировать происходящее приобретает особое значение в условиях пограничья, где на уровне временного и пространственного измерений происходит постоянное взаимодействие (столкновение) групповых культурных установок с личностными.

Рассмотрим особенности существования личности в пограничье на примере латиноамериканской культурной традиции, где граница осмысливается как одна из ключевых координат пространства и имеет первостепенное значение для понимания

внутреннего мира героя латиноамериканской литературы, а шире и представителя латиноамериканской культуры в целом.

Пограничное мироощущение всегда было свойственно латиноамериканской культуре. Во многом подобная ситуация определялась завоеванием Латинской Америки испанцами. С учетом того, что иберийская культура насаждалась в Месоамерике силой, возник некий культурный вакуум, когда традиционные культурные идеалы этносов, населявших эту территорию, намеренно подвергались забвению (религия, мифология, фольклор), а утверждение на их месте европейских ценностей осталось половинчатым. В результате подобной культурной политики испанских завоевателей в Латинской Америке к XIX в. возник ни с чем не сравнимый культурный симбиоз испанского фольклора и заимствованных европейских образов и месоамериканской мифологии, приведший позднее к появлению креольской культуры – культуры потомков испанских и португальских завоевателей в Латинской Америке, – которую, по словам А. Ф. Кофмана, и следует считать фундаментом латиноамериканской художественной литературы¹⁴.

В связи с тем что на протяжении практически трех столетий на территории современных латиноамериканских государств происходил процесс выплавки идеалов собственно латиноамериканской культуры, в сознании народа выкристаллизовалось устойчивое мнение о непохожести латиноамериканской культуры на западную. В сознании латиноамериканцев (в большей степени это касается Мексики) Атлантический океан на западе и особенно мексикано-американская граница на севере воспринимаются не иначе как линия, разделяющая два цивилизационных центра.

А. Ф. Кофман подчеркивает, что для латиноамериканской ментальности в отличие от европейской принадлежность личности к общей континентальной культуре является гораздо более значимой, нежели идентификация со своей национальной

культурой. Латинская Америка всегда противопоставляет себя Западу, граничит с ним на всем культурном поле.

В этом смысле феномен границы рассматривается в латиноамериканской культуре как один из ключевых элементов построения художественного пространства. «Под влиянием константы инаковости географические и политические границы континента трактуются прежде всего как границы культурные и онтологические, и потому эта пространственная координата приобретает в латиноамериканском образе мира особую значимость»¹⁵.

Для латиноамериканских авторов первого ряда характерно помещение своих героев в пограничную ситуацию. Это, например, может выражаться в мотиве путешествия через границу (Европа – Латинская Америка), как у Карпентьера. Пограничным становится и городок Макондо из романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества», когда в него приезжают предприниматели из США и разрушают обычаи и нравы, установившиеся в городе. На идее перехода границы (как географической, так и символической) основано также творчество ряда мексикано-американских авторов, проживающих в США, но испытывающих влияние латиноамериканской художественной традиции (Алуриста, Р. Анайя, Л. А. Урреа).

Отдельные «странствующие» образы латиноамериканской литературы несут в себе особую смысловую нагрузку хранителей и трансляторов знания, полученного за пределами родного города, села, страны. Это Мелькиадес («Сто лет одиночества», Г. Г. Маркес), мистер Мендоса («Кисть мистера Мендосы», Л. А. Урреа). Подобные образы нередко сами переходят границу, но уже литературную. Например, образ Пилат из романа афро-американки Т. Мориссон «Песнь Соломона».

Наиболее характерной чертой пограничного сосуществования Латинской Америки и западной цивилизации является восприятие границы по обе ее стороны. Запад-

ная цивилизация стремится, как правило, либо перейти границу, расширив зону своего культурного влияния (панамериканизм, псевдолиберализм), либо отрезать «иную» территорию от «своего» культурного пространства. Для латиноамериканского сознания граница воплощает собой прежде всего разделение двух совершенно разных миров: мира западной культуры, олицетворением которой почти всегда выступают США, и мира Латинской Америки. Главной особенностью подобного противопоставления можно назвать тот факт, что западный мир мыслится замкнутым, формализованным, строго регламентированным, в то время как мир Латинской Америки воспринимается бескрайним, мифическим, волшебным. Для латиноамериканской культуры граница является самодостаточным организмом, который живет по своим правилам и законам. Обобщенно, это форма бытия, порождающая особого человека, «человека границы», обреченного на диалог с другой культурой.

Отметим одну важную особенность, которая становится очевидной при подробном рассмотрении латиноамериканской художественной традиции. Вся инаковость и непохожесть латиноамериканской культуры была бы абсолютно незаметной вне контекста ее противопоставления с Западной или какой-либо другой цивилизационной моделью. «Граница латиноамериканского «иноного» мира, сколь бы глубоко и сущностно она не отделяла его от «другого» мира, парадоксальным образом выступает одновременно в роли связующего звена между двумя мирами»¹⁶.

Все познается в сравнении – эта известная фраза наиболее удачным образом выражает истинный смысл любого диалога. Таким образом, идея М. М. Бахтина о перманентной диалогичности человеческого существования актуализируется в вечнодлющимся разговоре между культурами, а шире – во всем человеческом бытии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по истории философии. М.: Медиакнига, 2006.
- ² *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл Творчества. М.: Правда, 1989.
- ³ *Лихачев Д. С.* Избранные работы. Л.: Художественная литература, 1987
- ⁴ Dictionary of American English / Longman, 2002.
- ⁵ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- ⁶ *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М., 1980.
- ⁷ *Библер В. С.* Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6.
- ⁸ *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- ⁹ *Глостанова М. В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2000.
- ¹⁰ *Библер В. С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991.
- ¹¹ *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- ¹² *Брэй У.* Ацтеки. Быт, религия, культура / Пер. с англ. Т. Е. Любовской. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.
- ¹³ *Таубе К.* Мифы ацтеков и майя / Пер. с англ. К. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005.
- ¹⁴ *Кофман А. Ф.* Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.